

РОЖДЕННЫЙ ЗВЕЗДНО И БЕЗ ВЕТРЕЧИ ЗРИМ

Заметки на острие звезд

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что каждый из нас постоянно пребывает в роли читателя? Мы читаем эклектически-запутанный почерк улиц, октавные перемещения рук, прищелки глаз, летопись парадных подъездов, хронику протертых кресел и, конечно, таинственное мигание звезд и неисчерпаемую мудрость храмов.

Затаив дыхание, и я вхожу в Храм, заранее осознавая, что проникнуть в глубину его страниц мне все равно не удастся. Слишком уж многослоен и полисемантичен его архитектор.

Да и название Храма обязывающее и многообещающее - "Жизнь звезд". Кто же этот архитектор, осмелившийся поведать землянам о жизни самых недостижимых для них объектов Вселенной?

Согласно литературоведческому исследованию Виктора Финкеля, это "настоящий, большой поэт, пишущий не по рутинной, буднично-заземленной, социально-лирической горизонтали. Это Поэт меньшинства. Это труженик Вертикали. Это высокая Поэзия, напрямую связывающая Высший смысл с нами."

Как вы уже поняли, речь идет о новой, 8-й по счету книге доктора филологических наук, профессора Пенсильванского университета, а, главное, Поэта Божьей милостью Веры Зубаревой. Но не надо пугаться. Вам отнюдь не доведется напрягать свои глаза чтением нудного литературоведческого анализа. Хотя бы потому, что, как говорят американцы, эта чашка чая не для автора данных строк, который вообще не считает себя достаточно оснащенным литературоведческими подходами, подходами и мерами. Да, честно говоря, и не слишком их балует. Для него, то бишь, для автора, и в литературе, и в искусстве действителен один показатель - выскакает ли искра заряд, исходящий от производителя художественного творения. А, следовательно, вызывает ли он импульс к сотворчеству. Приводит ли в состояние особого гипнотического транса. Способствует ли всплеску адреналина.

Как автор читателю с абсолютной ответственностью могу заявить: Выскачет. Вызывает. Приводит. Способствует. Как тут не вспомнить высказывание французского писателя Ламартина: "Если поэзия не пустое сочетание звуков, то, без сомнения, она есть самая величайшая

форма, в какую может обличиться человеческая мысль".

Ну, как вы, например, назовете такое?

*Вот звезда упала. Легче
Небу прочие нести.
Пала. Но зигзаг прочерчен
Прямо по противоречьям -
Там, где сердце взаперти
Отбивается, грохочет.
Нет дороги напролом.
Ум - никчемный переводчик,
И единственный приютом.
В этом мире шатких связей
Кто построит точный смысл?
На какой-то краткой фразе
Чуть приблизился и - смыл
Неудачные старанья
Разум, скорбленный в дуге
Лобной кости (в назиданье
Тем, кто мыслит належке).
Я иду к тебе навстречу
Из неведомых причин
Велушь, где образ отдал смерти,
Чтобы снова стать ничьим.
И творит, меняя credo.
Кто-то мир, в который раз,
Из лучка простого света,
Излученного из глаз.*

Наверное, никто не станет отрицать, что это и есть та самая величественная форма, в которую облачается не менее величественная мысль. Увы! Поэт Вера Зубарева предоставила в своей книге такое количество поэтических иллюстраций, что это создает сложность в выборе, какая из них живописней, где автор производит из словесного хотя бы потому, что, как говорят американцы, эта чашка чая не для автора данных строк, который вообще не считает себя достаточно оснащенным литературоведческими подходами, подходами и мерами. Да, честно говоря, и не слишком их балует. Для него, то бишь, для автора, и в литературе, и в искусстве действителен один показатель - выскакает ли искра заряд, исходящий от производителя художественного творения. А, следовательно, вызывает ли он импульс к сотворчеству. Приводит ли в состояние особого гипнотического транса. Способствует ли всплеску адреналина.

*Бог сочиняет план.
Голова его не прикрыта.
Небо и океан -
Два полюса одного магнита.
Выпотрошенный краб
Стал дворцом для морских насекомых.
Важнее плана стократ
Затаенный Божественный промах.
Переполняется лист
Постановками вечных вопросов.
Бог - идеалист,
Как любой прирожденный философ.
Солнце мелеет заряд.
Небо вступает в климакс.
Я наблюдаю закат
Солнца - из плюса в минус.
Лист превращается в сеть*

*И ветром заброшен в звезды.
Хочется посмотреть,
Что там. Но очень поздно.*

Зубарева созерцает мир одновременно глазами ребенка и философа.

*Открыто утро. Свет и тишина.
Молчанье мира. Все - как мир-ады
Таких же утр. Здесь говорю одна
Лишь я и слушаю, как раутся
Слов разряды.*

А вот как она определяет исходный пункт, своеобразную программу своей книги: "Это все - беседы о мироздании, о месте разума в его бескрайности и изменчивости, о статусе творческой личности во вселенной большой и малой, ее взаимоотношениях с сиоминутиным и вечным. Только он, сотворяющий разум, не отделен капсулой житейского сознания от Космоса, и плата за это - по самому большому счету: "...когда бы знали они, сколько стоит/квдратный метр возвышенности, то вряд ли бы и смотрели вверх..."

Да, для тех, кто смотрит вверх, язык звезд значительно ближе и понятнее земного мельтешения лопающихся от раздрающего их самодовольства безгласых, обделенных искрой творения убожеств, но зато в полной степени наделенных таскообразными пробивными способностями. В то время, как талантоносители обычно не облаканы постыными и продажными учредителями сомнительных премий, зафрахтованных конъюнктурными, антиаланными структурами, обладающими беззедходной проходимостью и способностью оккупировать все возможные средства массовой дезинформации, сметаая на своем пути все истинное, живое, пульсирующее творческой мыслью. В смертельном поединке амбиций они завоевывают себе давно девальвировавшие в качестве награды и заполняют собой радио и телевизор, газетные полосы и публичные площадки для своего многоосерийного явления народу.

Время, конечно, все расставит на свои места. Только вот хотелось бы, чтоб пораньше...

Ведь поэт Вера Зубарева как раз относится к тому избранному меньшинству, на котором

держится литература. В "библиотеке" изданных Верой книг "Жизнь звезд" занимает особое место, ибо посвящена она Веричной маме Нелле Беленкович. "Ничто не скажет обо мне больше и не будет большей правдой, чем эти стихи. И все они - адресованы тебе. Не формально, не потому, что, в конце концов, нужно посвятить книжку маме, а потому что все эти стихи изначально направлены к тебе по той внутренней, глубинной динамике, которая есть таинство движения волны к берегу". Это строки из предваряющего книгу посвящения маме.

Ох, как непростительно редко случается мамам получить подобный подарок! А жаль...

И еще - немаловажный штрих в заметках о книге. "Жизнь звезд" - истинно гармоничное произведение искусства. Ее приятно и интересно не только читать, но

и держать в руках, и перелистывать страницы. И этому способствует прекрасный союз 2-х уникальных величин: поэта Веры Зубаревой и талантлившей художницы Ирины Френкель. Ее работы, украшающие книгу, самобытны, глубоки и удивительно сочетаются с философской нотой Веричной поэзии.

Как видите, - никакого рецензирования. Только импульс,

"спровоцированный" соприкосновением с истинной Поэзией. Полуразмышления-полузаметки. И огромное желание подействовать тому, чтобы личности с таким высокоградусным творческим потенциалом, как у Зубаревой, были услышаны. А их, к несчастью, критически мало.

Никак не отвязаться нам от слепого пристрастия к раздутым, но мало что излучающим именам и надуманным регалиям и наградам. А те, кто действительно, сверх меры наделен потребностью и способностью к созданию, обычно пребывают в тени. Диагноз - острый дефицит умных, прозорливых, доброжелательных, бескомпромиссных, широко мыслящих и творчески одаренных редакторов и издателей. И получается всё, как по сценарию, предложенному Л. Фейербахом: "С книгами бывает то же самое, что с девицами. Самые лучшие, самые достойные залеживаются. Но в конце концов является человек, оценивший их и извлекающий их из мрака неизвестности к свету прекрасной деятельности."

Давайте же будет ценить все истинное "при-сейчас"! Ведь формула рождения - праздник, помноженный на муку. Без сомнения, можно сказать, что урусскоязычных читателей сегодня праздник - родилась "Жизнь звезд".

Ирина Богачинская